

Образ будущего Израиля — 2030

Аналитический отчёт по экспертному опросу

Think Tank Дор Мория | Хайфа, 2026

Введение

Проект «Образ будущего Израиля — 2030» реализуется центром «Дор Мория» как ответ на запрос израильского общества. После 7 октября 2023 года израильтянам стало критически важно осмыслить, куда движется страна. Какой образ будущего у разных социальных групп является доминирующим. Война обнажила глубокие внутренние конфликты и поставила под вопрос прочность нынешнего «общественного договора».

В этом отчете представлены результаты первого этапа исследования — экспертного опроса (апрель 2026 года). Наша цель — сформулировать основные направления развития израильского общества и Израиля как страны, которые сегодня обсуждаются в профессиональной среде. Второй этап — массовый опрос израильтян — покажет, какие из этих взглядов разделяют представители различных социальных групп.

Исследование проводится накануне выборов в Кнессет, намеченных на октябрь 2026 года. Срок полномочий нового созыва завершится в 2030 году. Таким образом, «Образ будущего — 2030» — это не просто прогноз, а реальная оценка последствий того выбора, который страна сделает этой осенью.

Методология

Дизайн. Качественный письменный экспертный опрос. Каждому участнику направлялся единый структурированный гайд, включающий 17 открытых вопросов по трём тематическим блокам: внутренняя политика (Q1–Q5), геополитическая ситуация (Q6–Q14) и экономическое развитие (Q15–Q17). Ряд вопросов сопровождался числовой шкалой или набором готовых вариантов с обязательным письменным обоснованием. Ответы давались в письменной форме индивидуально, без групповых обсуждений.

Цель и задачи.

Цель: Выяснить, как израильские эксперты оценивают перспективы страны к 2030 году — в политике, безопасности и экономике. **Задачи:** (1) выявить точки консенсуса и разлома по ключевым темам; (2) установить, как политико-мировоззренческая позиция эксперта структурирует его картину будущего; (3) сформировать базу гипотез для последующего массового опроса.

Выборка. 12 экспертов, отобранных методом целевой выборки (purposive sampling) по двум осям: дисциплинарная специализация и публично идентифицируемая политико-мировоззренческая позиция. Принцип отбора: максимальный мировоззренческий и дисциплинарный разброс при сохранении профессиональной квалификации каждого участника. Выборка не репрезентативна в статистическом смысле.

Ограничения. Анонимность экспертов исключает верификацию институциональной аффилиации. Качественный дизайн не допускает статистического обобщения. Письменный формат ограничивает возможность уточняющих вопросов.

Полный текст опросника приведён в Приложении 1.

Описание выборки

По политико-мировоззренческой позиции эксперты разделены на три типа.

Тип 1. Светско-либеральные позиции (6 экспертов: 1, 5, 7, 8, 11, 12). Центральные категории — общественный договор, права, институции, качественное преимущество страны, утечка мозгов.

Тип 2. Религиозно-консервативные позиции (4 эксперта: 2, 4, 6, 10). Опираются на язык миссии, направления, внутренней сплочённости, «сильного государства», религиозной идентичности.

Тип 3. Промежуточные / метапозиции (2 эксперта: 3, 9). Смотрят «над лагерями», используют сравнительно-исторический или нормативно-операционный подход.

№	Специализация	Политическая позиция	Религиозный профиль
1	Политолог	Левый	Светский
2	Политолог	Право-консервативный	Традиционный
3	Историк	Центристский	Светский
4	Политолог	Право-консервативный	Религиозный
5	Экономист-международник	Центристско-прагматичный	Светский
6	Аналитик в сфере национальной безопасности	Право-консервативный	Религиозный
7	Аналитик в сфере безопасности	Левый оппозиционный	Светский
8	Социолог	Левый	Светский
9	Юрист	Левый	Светский
10	Журналист	Право-центристский	Традиционный
11	Правозащитник	Лево-либеральный	Светский
12	Гражданский активист	Лево-центристский	Светский

Главный результат опроса — подтверждение внутренней связи между двумя на первый взгляд разными темами: мировоззренческим расколом и эмиграцией образованного класса

Главный практический вывод: большинство экспертов считают, что религиозно-консервативный лагерь не сможет к 2030 году полностью доминировать, потому что его сдержат БАГАЦ, армия, hi-tech и судебная система. При этом проблему миграции и бегства мозгов также признают большинство экспертов. Требуется изучения, насколько быстро усиление религиозно-консервативного лагеря и наметившийся отъезд светского населения повлияет на устройчивость социальных институтов, призванных сдерживать баланс между светскими и религиозными лагерями.

Часть I. Две картины будущего

Опрос показал, что эксперты разных лагерей описывают «разные страны», хотя смотрят на одну и ту же.

Светско-либеральная картина

Израиль 2030 — технологическое, нормативно интегрированное в западный мир государство. Источник легитимности — общественный договор и институты. Внешний мир — союзники и партнёры, с которыми надо договариваться. Угроза — теократический поворот, утрата международной легитимности, отъезд носителей светско-демократической картины мира.

Эксперт 1: *«Дипломатический Израиль, интегрированный в международную нормативную систему, разрешающий конфликт через многосторонние договорённости и постепенное снятие причин конфликтов».*

Эксперт 5: *«Если государство не пересмотрит приоритеты, оно рискует остаться с раздутым госаппаратом и социальными изживенцами, но без тех 10% населения, которые генерируют 90% инноваций и налогов».*

Эксперт 7: *«Доминирование — это даже не институциональный захват, это паралич стратегического мышления. Главный ущерб не в шаббате и не в школах, а в неспособности страны сформулировать долгосрочную доктрину безопасности — потому что её формулирование требует консенсуса, которого нет».*

Эксперт 8: *«Главный недооценённый риск — превращение Израиля в "страну-платформу": высокотехнологичная оболочка, в которой глобально интегрированная элита живёт в мире будущего, а государственные институты деградируют».*

Эксперт 11: *«Реальная угроза — не институциональный захват, а постепенное сужение пространства гражданских свобод и прав меньшинств.»*

Эксперт 12: *«Доминирование уже происходит — не на уровне институтов, а на уровне способности общества формулировать общие цели. Когда общественный договор сломан, даже формально светские институты теряют способность сопротивляться идеологическому давлению».*

Религиозно-консервативная картина

Израиль 2030 — суверенное еврейское государство, опирающееся на собственную силу, без зависимости от международной легитимации. Источник легитимности — историческая миссия и внутренняя сплочённость. Внешний мир — арена угроз, в которой выживает сильный. Угроза — слабое государство, утрата чувства миссии, размывание идентичности.

Эксперт 2: *«Религиозный сионизм встраивается в государственные институты на условиях продуктивного сотрудничества; харедим — иначе, но они сектор, а не центр. Механизм — коалиционный, и это нормально для парламентской системы».*

Эксперт 4: *«Усиление неизбежно, доминирование — нет. Опасность не в "теократии", а в неспособности перевести демографический рост в управленческую компетентность. Это нормальная коррекция секулярного крена 1990-х».*

Эксперт 6: *«Опасность не в "теократизации", а в фрагментации командных цепочек, если харедим войдут в армию по-серьёзному без подготовки. Армия — главная точка трения. От качества интеграции харедим в боевые подразделения зависит само существование резервистской системы».*

Метапозиция

Эксперт 3 (историк) и Эксперт 9 (юрист по международному праву) не идентифицируются ни с одним лагерем; они видят происходящее как фазовый переход, аналогичный Турции при Эрдогане, Польше 2010-х, отчасти США.

Эксперт 3: *«Демографически растущие традиционалистские сегменты обретают политический вес в обществах, переживающих внешнее давление и кризис светской легитимности. Прецеденты — Турция при Эрдогане, Польша 2010-х, отчасти США».*

Эксперт 9: *«Усиление через демографический и коалиционный механизмы. Полное институциональное доминирование ограничено: БАГАЦ, ЦАХАЛ, силовые структуры, академический и hi-tech-сектор сохраняют светскость и ресурсную базу. Вектор — усиление, не доминирование».*

Почему это важно

Между этими двумя картинками существенные различия в восприятии угроз. Светский эксперт говорит «эрозия общественного договора» — религиозный говорит «потеря направления». Оба описывают одно и то же явление, но в несовместимых причинных языках. Это не разногласие, которое можно урегулировать аргументами; это разные представления о реальности. Это явление подтверждается также результатами социологических опросов, проводимых Аналитическим центром «Дор Мориа».

Часть II. Эмиграция как материальное лицо раскола

Тема утечки мозгов прошла через все 12 анкет и дала наиболее богатый разброс концептуализаций. Светский лагерь трактует эмиграцию как голосование ногами против общественного контракта; религиозный — как симптом утраты идентичности и направления; метапозиция — как индикатор фазового перехода. Связь между расколом и эмиграцией — не случайная корреляция. Именно носители светско-либеральной картины будущего составляют ядро того образованного класса, который покидает страну. Раскол не просто столкновение двух взглядов на будущее, его результаты определяют, кто в этом будущем останется.

Светско-либеральные позиции

Эксперт 1: *«Уезжают не предатели, а люди, которые не видят, как реализовать ценности, ради которых их родители строили это государство».*

Эксперт 5: *«Запредельная стоимость жизни → налоговое бремя на 20% работающих → эрозия общественного контракта после судебной реформы и войны → сетевой эффект отъезда → физическая релокация. Если государство не пересмотрит приоритеты, оно рискует остаться с раздутым госаппаратом и социальными изживенцами, но без тех 10% населения, которые генерируют 90% инноваций и налогов».*

Эксперт 7: *«Если ваши лучшие уходят — значит, не работает не экономика, а доктрина. Сначала уходит Qualitative Edge как физический факт. Потом — как идея».*

Эксперт 8: *«Free Rider Problem: 20% населения обеспечивают 90% налогов → критическое отчуждение → внутренняя эмиграция → физическая релокация».*

Эксперт 11: *«Уезжают не только инженеры, но и те, кто не может больше принимать моральную цену пребывания. Это другая категория эмиграции — она забирает голос совести из общества».*

Эксперт 12: *«Эмиграция — это не поражение экономики, это поражение демократии. Уезжают первыми те, у кого есть выбор. Тот факт, что они выбирают уехать, — самый громкий референдум, который у нас прошёл за последние десять лет».*

Религиозно-консервативные позиции

Эксперт 2: *«Серьёзный, но управляемый риск. Решение — восстановление сильного государства, в котором у hi-tech и научной элиты есть гордость, а не только зарплата. Вопрос идентичности, не инфраструктуры».*

Эксперт 4: *«Утечка мозгов — серьёзная проблема, но решается не зарплатами, а возвращением идеи. Молодёжь уезжает не из-за стоимости жизни, а из-за ощущения, что страна потеряла направление. Восстановите направление — вернутся».*

Эксперт 6: *«Эмиграция офицеров запаса, инженеров оборонной промышленности и специалистов по кибербезопасности — это не социальная проблема, а оперативная».*

Эксперт 10: *«Отъезд хай-тек-семей в Лиссабон или Афины — это уже жанр в израильских воскресных приложениях. Через год это будет лид».*

Метапозиция

Эксперт 3: *«Эмиграция образованного класса — индикатор фазового перехода в обществе. Это случилось в Аргентине 1970–80-х, в России 1990-х, в Турции 2010-х. Это не утечка мозгов в техническом смысле — это симптом потери исторического оптимизма».*

Эксперт 9: *«Утечка мозгов: hi-tech, врачи, учёные. Отрицательный баланс прироста. Почти полная потеря привлекательности страны».*

Примечательно, что в концептуализации причин и решений эксперты расходятся кардинально, при этом в оценке масштаба угрозы — практически нет. Это редкий случай, когда онтологически разделённая среда фиксирует одну и ту же проблему, но предлагает взаимоисключающие рецепты.

Часть III. Тематические блоки

Внутренняя политика

Доминирование религиозно-консервативного лагеря к 2030 году (Q1)

Средняя оценка по панели — 3,1. Идеологический спектр нелинеен: право-консервативные нерелигиозные (2, 10) считают само понятие «доминирование» алармистским; право-религиозные (4, 6) рассматривают усиление как управляемый процесс; светско-либеральные (7, 11, 12) видят угрозу не в институциональном захвате, а в параличе консенсуса.

Эксперт 1 — 3: *«Тревожный, но не неизбежный сценарий. Барьером выступает не столько институциональный каркас, сколько международное давление и зависимость от внешних договорённостей».*

Эксперт 2 — 2: *«Само понятие "доминирование" — алармистская метафора. Религиозный сионизм встраивается в государственные институты на условиях продуктивного сотрудничества».*

Эксперт 5 — 2: *«Маловероятно. Hi-tech-сектор обеспечивает львиную долю налогов и создаёт мощный экономический противовес».*

Эксперт 7 — 4: *«Доминирование — это даже не институциональный захват, это паралич стратегического мышления».*

Эксперт 8 — 3,5: *«По коалиционному весу — 4 (религиозные партии остаются veto-игроками). По институциональной конвертации — 3 (харедим в меньшей степени представлены в военной службе и профессиональных элитах)».*

Эксперт 11 — 4: *«Реальная угроза — не институциональный захват, а постепенное сужение пространства гражданских свобод и прав меньшинств».*

Эксперт 12 — 4: *«Доминирование уже происходит — не на уровне институтов, а на уровне способности общества формулировать общие цели».*

Где именно ощутимо усиление (Q2)

Оба лагеря называют одни и те же сферы — образование, общественное пространство, распределение ресурсов — но дают им противоположные оценки. Светские называют это эрозией; религиозно-консервативные — коррекцией.

Эксперт 2: *«Усиление будет ощутимо в распределении бюджетных ресурсов и в символической политике — но не в стратегических институтах (армия, разведка, экономическое управление)».*

Эксперт 4: *«Усиление будет ощутимо в школах, в распределении ресурсов и в политике поселений. Это — нормальная коррекция секулярного крена 1990-х».*

Эксперт 9: *«Браки, разводы, гиюр, похороны, шаббат, призыв в армию, обязательная квота для работодателей на приём харедим без требований к компетенции».*

Эксперт 11: *«Права меньшинств: ЛГБТ+, реформистских и консервативных еврейских общин, арабских граждан, женщин в публичной сфере. Это первые точки давления, и они уже под давлением».*

Разделение бремени (Q3)

Редкий случай содержательного согласия экспертов из разных лагерей: большинство ставят 4–5 баллов. Расходятся только в том, как именно проблему решать.

Эксперт 4: *«Это экзистенциальный структурный вопрос: армия не выдержит без интеграции харедим. Использование темы политически — следствие, а не причина её остроты».*

Эксперт 5: *«Это перешло в вопрос выживаемости государства. Резервистская система достигла предела износа».*

Эксперт 6: *«Это вопрос военного выживания. Резерв уже за пределом устойчивости».*

Эксперт 11: *«Это вопрос равенства гражданских обязанностей, и он напрямую связан с равенством гражданских прав».*

Эксперт 12: *«Это не "налоги" и не "армия" — это вопрос о том, существует ли вообще единое "мы", ради которого можно нести жертвы».*

Инфраструктура как ограничитель устойчивости государства (Q4)

Большинство экспертов «скорее согласны» — но при этом каждый называет инфраструктуру лишь следствием другого, более глубокого ограничителя.

Эксперт 1: *«Главным ограничителем будет не износ инфраструктуры, а дипломатическая изоляция и потеря легитимности на международной арене».*

Эксперт 6: *«Скорее согласен — особенно в части защитной инфраструктуры. Треть населения без адекватной защиты».*

Эксперт 7: *«Главный ограничитель устойчивости — отсутствие коллективных институтов безопасности. Инфраструктура — следствие».*

Эксперт 12: *«Главным ограничителем устойчивости станет коллапс общественного договора. Инфраструктура — лишь физическое выражение этого коллапса».*

Триггеры выборов 2026 (Q5)

Светские называют жильё, медицину, школы; религиозно-консервативные — армию, безопасность, защитную инфраструктуру.

Эксперт 1: *«Жильё — как симптом более широкой темы социального неравенства и провала договора между государством и молодёжью».*

Эксперт 2: *«Безопасность и состояние армии. Электорат правого центра не голосует жильём; он голосует Газой, Ливаном и Иудеей и Самарией».*

Эксперт 6: *«Защитная инфраструктура и состояние маматов. Это может стать визуальной точкой провала после следующего масштабного обмена ударами».*

Эксперт 11: *«Медицина и здравоохранение, особенно в периферийных и арабских городах».*

Эксперт 12: *«Жильё, потому что это самый болезненный пункт в новом общественном договоре, который не складывается».*

Геополитика

Главные геополитические сдвиги (Q6)

Консенсус всех 12 экспертов сосредоточен вокруг трёх тем: уход США из региона, усиление Турции, трансформация иранского фактора. Эксперты из разных лагерей называют одни и те же события, но интерпретируют их через принципиально разные следствия.

Эксперт 3: *«Сжатие американского глобального присутствия — паттерн, знакомый по другим имперским отступлениям. Окончательный распад "периферийной доктрины" Бен-Гуриона: Турция, Иран и Эфиопия — все три столпа утрачены».*

Эксперт 4: *«Уход США из Сирии и образование суннитского полумесяца под турецким патронатом. Распад "периферийной доктрины" — потеря Эфиопии, общий разворот Африканского Рога против Израиля».*

Эксперт 7: *«Окончательный коллапс глобального режима нераспространения. Демонстрация Ираном способности к прямому удару по Израилю, что обнулило прежнюю модель сдерживания».*

Эксперт 11: *«Этнорелигиозная чистка в Сирии 2025 года и провал международного сообщества в её предотвращении. Превращение прав человека из универсальной нормы в инструмент геополитического торга».*

Главный ограничитель внешней политики (Q7)

Все 12 называют зависимость от США решающим фактором — но оценивают её принципиально по-разному.

Эксперт 2: *«Главный ограничитель — внутренняя сплочённость. США давят, но это давление управляемо при сильной коалиции».*

Эксперт 6: *«Темпы расхода боеприпасов и зависимость от американского воздушного моста. В современной высокоинтенсивной войне это абсолютный лимит».*

Эксперт 7: *«Зависимость от США патологическая, и она усиливается именно потому, что Израиль десятилетиями отказывался от инструментов коллективной безопасности».*

Эксперт 11: *«Соучастие в нарушениях международного гуманитарного права делает Израиль зависимым от союзников, которые покрывают это соучастие. Это самое тяжёлое ограничение, и оно идёт изнутри, не снаружи».*

Эксперт 12: *«Внутренняя фрагментация. Страна, которая не может договориться о своей идентичности, не способна вести последовательную внешнюю политику».*

Многовекторность внешней политики (Q8)

Средняя оценка — 2,1. Это самая низкая консенсусная оценка во всём опросе. Распределение: 1 балл — эксперт 6; 2 балла — эксперты 1, 2, 4, 5, 7, 9, 10, 11, 12; 3 балла — эксперт 3; 3–4 балла — эксперт 8 («асимметричная многовекторность»).

Эксперт 2: *«Многовекторность для Израиля — это эвфемизм слабости. Многовекторность — роскошь больших стран и нейтральных. Мы ни то, ни другое».*

Эксперт 3: *«Исторически малые государства осваивают многовекторность только при наличии трёх условий: устойчивой внутренней системы, географической защищённости и культурной репутации. У Израиля есть только одно — устойчивая внутренняя система, и та под вопросом».*

Эксперт 6 — 1: *«Нереалистична. Для боеприпасов, ПРО и расходных материалов есть один источник, и он не диверсифицируется без потери боеспособности».*

Эксперт 7: *«Реалистична только многосторонность — участие в коллективных институтах, чего Израиль избегает».*

Базовый контур внешней политики до 2030 года: «США как безальтернативный центр тяжести» — 9 экспертов (2, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 11, 12); «гибридная схема с ограниченной диверсификацией» — 3 эксперта (1, 3, 8); «поворот к многополярности» — 0. Внутри американского варианта почти все эксперты добавляют квалификации, которые меняют тональность при формальном совпадении выбора: для одних это рациональная данность, для других — диагноз провала.

Красные линии по Китаю и допустимые форматы сотрудничества (Q9–Q10)

Q9 и Q10 дали наиболее однородный результат во всей панели: позиции всех 12 экспертов совпали содержательно. Ответы приводятся в сводном виде — индивидуальное цитирование в данном случае не добавляет аналитической информации.

Консенсус по содержанию: технологии двойного назначения, ИИ, связь, порты — закрытые зоны. Все 12 экспертов: стратегического партнёрства с КНР не будет. Остаются медицина, агротех, водные технологии, ограниченная инфраструктура без двойного применения. Характерен сценарный прогноз Эксперта 8: «Цифровой железный занавес» (2028–2030) — китайская инфраструктура связи в Израиле влечёт требование США о демонтаже под угрозой исключения из CJADC2.

Россия (Q11)

Доминирующая формула всей панели — «прагматический минимум, без иллюзий». Россия для экспертов не партнёр и не противник, а функциональный фактор сирийского пространства. Полный разрыв — нет ни у кого; нормализация — тоже нет.

Эксперт 7: *«Россия — это не "инструмент" и не "угроза". Это вторая держава в Сирии, с которой нужен hot-line, верификация и прозрачные правила деконфликтинга».*

Эксперт 8: *«Холодный прагматизм с элементами конфликтного управления. Россия — "сложный сосед", с которым нужно поддерживать связь во избежание случайных столкновений».*

Эксперт 11: *«Россия — соучастник этнорелигиозной чистки в Сирии, и любое сотрудничество с ней должно быть публично оправдано».*

Эксперт 12: *«Прагматический минимум с сохранением hot-line — Россия в определённой мере сдерживает турецкое влияние в Сирии. Это побочный эффект, но он работает».*

«Шестиугольный альянс» (Q12)

Для одних — реальная архитектура, для других — «риторическая надстройка». Разрыв проходит не строго по лагерям.

Эксперт 1: *«Риторическая надстройка над двусторонними сделками. У участников разные карты, разные враги, разные горизонты».*

Эксперт 6: *«Реальная архитектура, особенно в части ПВО и совместных учений с Грецией и арабскими партнёрами. Это пример рабочего регионального ответа на иранскую угрозу».*

Эксперт 7: *«Это набор двусторонних связей, который не является альянсом, потому что не имеет ни верификационных механизмов, ни взаимных гарантий, ни общей доктрины».*

Эксперт 8: *«Формирующийся геоэкономический каркас с высоким потенциалом. IMES, Great Sea Interconnector, регулярные совместные учения, индийский "якорь"».*

Турция как новый главный противник (Q13)

2 балла — 8 экспертов; 3 балла — 3 эксперта. Консенсус: прямая война маловероятна, локальные инциденты в Сирии — вероятны.

Эксперт 2: *«После падения аятолл Турция станет нашим главным противником. Это вопрос времени. Главный театр — Восточное Средиземноморье и Сирия».*

Эксперт 3: *«Прямой конфликт между двумя интегрированными в западную систему государствами исторически крайне редок. Опасны не намерения, а институциональный распад: если НАТО ослабевает, обе стороны окажутся в режиме самопомощи».*

Эксперт 10: *«Прямой конфликт — крайне маловероятен. Опасен медийный эффект инцидента: один сбитый самолёт может изменить общественное настроение за 48 часов».*

Региональная аналитическая рамка (Q14)

Рамка «суннитская vs шиитская ось» отвергнута 11 из 12 экспертов как аналитически недостаточная. Предложенные альтернативы принципиально различаются и несут отчётливый идеологический отпечаток.

Эксперт 1: *«Колониальная схема, унаследованная от ориентализма. Регион работает по логике интересов, не идентичностей».*

Эксперт 4: *«"Ось ревизионистов против сил статус-кво" — Иран, Турция, Россия, Катар против Израиля, ОАЭ, Саудовской Аравии, Египта, Иордании».*

Эксперт 5: *«"Силы стабильности и интеграции" (Израиль, ОАЭ, Саудовская Аравия, Иордания, Египет) против "Оси хаоса и ревизионизма" (Иран, Хизбалла, Хуситы, иракские прокси)».*

Эксперт 7: *«Аналитически бесполезна и идеологически вредна. Альтернатива: рамка "государства, готовые к WMD/FZ vs не готовые"».*

Эксперт 10: *«Полезная упрощающая схема для редакторов, но за двадцать лет она ни разу не помогла предсказать ни один реальный кризис».*

Разнообразие альтернативных рамок само по себе является аналитическим результатом: у израильской экспертной среды нет общего языка для описания региональной динамики после сирийского коллапса.

Экономика

Сценарий экономики 2030 (Q15)

«Рост островов» — 4 эксперта (1, 5, 10, 11); «Затяжное бюджетное давление из-за военных расходов» — 2 эксперта (2, 4); комбинированный/гибридный сценарий — 6 экспертов (3, 7, 8, 9, 12; эксперт 6 не выделил отдельный сценарий). Содержательный консенсус: hi-tech выживает за счёт глобальности, периферия и государственные программы — под нарастающим давлением.

Эксперт 2: *«Затяжное бюджетное давление — плата за выживание. Hi-tech компенсирует часть давления, остальное должно быть оплачено сокращением гражданских программ».*

Эксперт 8: *«Гибридный с высокой неоднородностью. Экономика сверхвысоких достижений в узких нишах при растущем социальном напряжении на периферии».*

Эксперт 12: *«Hi-tech-острова усиливают, а не решают раскол, потому что они не интегрированы в общенациональный проект».*

Главные недооценённые риски (Q16)

Каждый эксперт называет что-то своё — и это «своё» прямо следует из его профессиональной и мировоззренческой рамки.

Эксперт 1: *«Дипломатическая стоимость текущей внешней политики. Не звучит, потому что это политически табуированная тема в действующей коалиции».*

Эксперт 2: *«Демографическая хрупкость единого военного контингента. Без изменения структуры призыва система обороны деградирует независимо от бюджетов».*

Эксперт 4: *«Размывание исторического чувства миссии. Без него государство будет поддерживаться только утилитарными мотивами».*

Эксперт 5: *«Утечка мозгов: отъезд топовых инженеров, врачей и учёных. Не звучит, потому что обществу больно признаваться, что лучшие хотят уйти».*

Эксперт 7: *«Стоимость отсутствия региональных институтов безопасности. Каждая ракета, каждое расходование "Железного купола" — это плата за то, что архитектура не была создана 20 лет назад».*

Эксперт 8: *«Превращение Израиля в "страну-платформу": кадровое вымывание, феодализация министерств, эрозия монополии на исполнение правил, кризис общественного договора, бюрократическая инерция».*

Эксперт 10: *«Информационный разрыв между экспертной и общественной повестками. Когда общество не понимает того, что обсуждают эксперты, любая угроза догоняет врасплох».*

Эксперт 11: *«Накопленная международно-правовая ответственность. ICJ, ICC, санкционные режимы — не исчезнут, и каждый месяц повышают долгосрочную цену».*

Эксперт 12: *«Полный распад общественного договора. Это не риск — это процесс. Не звучит, потому что обсуждение требует признания, что страна перестает существовать как единое политическое сообщество».*

Часть IV. Где сходятся, где расходятся

Точки полного или почти полного консенсуса

Многовекторность как полноценная стратегия — нереалистична (все 12, медиана 2). Прямой военный конфликт с Турцией маловероятен (11 из 12). США остаются безальтернативным внешним контуром (12 из 12). Утечка мозгов — серьезная проблема (12 из 12). Технологическое сотрудничество с Китаем — только в гражданской сфере (12 из 12). Россия: прагматический минимум, ни разрыва, ни нормализации (12 из 12).

Главные разломы

Интерпретация зависимости от США. Право-консервативные (2, 4, 6): рациональна, задача — укрепить. Левые (1, 7, 8, 9, 11, 12): патологическая или системная; различаются в том, считают ли её решаемой. Центристские (3, 5, 10): структурная данность, требующая адаптивной стратегии.

Интерпретация усиления религиозного лагеря. Право-религиозные (4): позитивный процесс. Право-консервативные нерелигиозные (2, 6, 10): приемлемо при условии интеграции в институты; само понятие «доминирование» — алармизм. Центристские и левые (1, 3, 5, 7, 8, 9, 11, 12): разная степень тревоги, все различают «усиление» и «доминирование».

Зоны расхождения

Природа угрозы доминирования (структурная или преувеличенная). Механизм решения проблемы эмиграции (общественный контракт или восстановление миссии). Триггеры выборов 2026 (социальные или военные). «Шестиугольный альянс» — реальность или риторика. Региональная аналитическая рамка — у панели нет единого языка.

Расхождения не случайны и структурно следуют из разных картин будущего. Эксперт, видящий Израиль как технологическую республику, и эксперт, видящий его как суверенное еврейское государство, будут по-разному отвечать практически на любой вопрос — и это не ошибка одного из них, а свойство онтологически разделённой экспертной среды.

Часть V. Главный вывод

Опрос показывает, что Израиль приближается не к одному из сценариев будущего, а к точке, в которой выбор сценария будет сделан не политическими решениями, а демографическим составом тех, кто к 2030 году останется в стране.

Институты — БАГАЦ, армия, hi-tech, университеты — сегодня выглядят как барьеры на пути радикальных изменений. Но когда носители светско-либеральной картины будущего продолжают уезжать темпами, которые описывает Эксперт 5, то к концу десятилетия эти институты заполнятся представителями консервативно-религиозного лагеря. Не в результате политической борьбы, а в результате демографического замещения.

Это означает, что разговор о будущем Израиля должен вестись на языке восстановления такого общественного контракта, в котором носители обеих картин будущего видят себя частью

одного проекта. Существует ли такой контракт сегодня — отдельный вопрос, на который у экспертов ответа нет.

Следующий этап исследования — массовый опрос общественного мнения, проводимый в апреле–мае 2026 года, — позволит проверить, насколько описанные экспертами картины будущего разделяются населением и в каких социальных группах они укоренены.

Приложение 1 Анкета опроса

Блок I. Внутренняя политика

Q1. Насколько вероятно, что к 2030 году религиозно-консервативный лагерь установит доминирующее влияние на ключевые государственные институты Израиля?

1 — крайне маловероятно; 5 — практически неизбежно

Объясните вашу оценку. Через какой механизм — демографический, коалиционный, институциональный — это происходит или не происходит?

Q2. Если религиозно-консервативный лагерь усиливается — в какой сфере это будет ощутимее всего для израильянина вне религиозно-консервативного лагеря?

Q3. Насколько к 2030 году обострится конфликт вокруг «равного распределения обязанностей» между секторами?

1 — конфликт ослабнет; 5 — станет одним из центральных

Тема «разделение бремени» — это реальный структурный конфликт или политический инструмент для мобилизации электората? Что за ней стоит?

Q4. Насколько вы согласны: «К 2030 году износ гражданской инфраструктуры станет одним из главных ограничителей устойчивости наряду с безопасностью»?

Полностью согласен / Скорее согласен / Скорее не согласен / Полностью не согласен

Аргументируйте. Если не согласны — что окажется решающим ограничителем и почему?

Q5. Какая конкретная инфраструктурная проблема — жильё, транспорт, медицина, школы — может стать главным политическим триггером к выборам 2026 года? Почему именно она, а не другие?

Блок II. Геополитическая ситуация

Q6. Какие три изменения международной среды за последние пять лет сильнее всего изменили пространство внешнеполитического манёвра Израиля?

Q7. Что является сегодня главным внешним ограничителем самостоятельности израильской внешней политики — давление союзников, геополитические и региональные угрозы, международно-правовое давление, что-то иное? Обоснуйте выбор.

Q8. Насколько реалистична для Израиля стратегия частичной многовекторности к 2030 году?

1 — нереалистична; 5 — вполне реалистична

Какой внешний контур к 2030 году останется для Израиля базовым?

- США как безальтернативный центр тяжести
- Запад в широком смысле (США + ЕС)
- Гибридная схема с ограниченной диверсификацией
- Более автономная многовекторная модель

Обоснуйте ваш выбор.

Q9. Где, по-вашему, проходит «красная линия» многовекторности — за которой США потребуют от Израиля определённого выбора? Приведите конкретный сценарий.

Q10. Какие направления сотрудничества с Китаем к 2030 году останутся для Израиля допустимыми и практически реализуемыми?

Q11. Какой формат отношений Израиля с Россией к 2030 году вы считаете наиболее вероятным — прагматические сделки по региональной безопасности или фактический разрыв под давлением западных союзников?

Q12. «Шестиугольный альянс» (Израиль, Индия, Греция, Кипр, арабские партнёры) — реальный геополитический проект или политическая риторика? Аргументируйте.

Q13. Оцените вероятность прямого военного конфликта между Израилем и Турцией в горизонте 5–10 лет.

1 — крайне маловероятно; 5 — весьма вероятно

Какой сценарий эскалации между ними вы считаете наиболее реалистичным — и через какой театр (Сирия, Восточное Средиземноморье, прокси)?

Q14. Насколько аналитически полезна рамка «суннитская ось против шиитской оси»? Она помогает понять регион или упрощает до потери смысла? Какая альтернативная рамка лучше описывает региональную динамику?

Блок III. Экономическое развитие

Q15. Какой сценарий экономического развития Израиля к 2030 году вы считаете наиболее вероятным?

- Устойчивый рост через структурные реформы
- «Рост островов» — сильное hi-tech ядро при слабой периферии
- Затяжное бюджетное давление из-за военных расходов
- Комбинированный сценарий с высокой неоднородностью
- Иной вариант

Что стоит за вашим выбором? Какой индикатор — если изменится — изменит и ваш прогноз?

Q16. Какой экономический риск к 2030 году вы считаете главным, но недооценённым в публичной повестке? Почему он не звучит?

Q17. Данные Центрального бюро статистики Израиля фиксируют резкое ускорение эмиграции: если в 2019–2021 годах страну ежегодно покидали в среднем около 36 тысяч граждан, то в 2024–2025 годах этот показатель вырос в среднем до 76 тысяч человек в год — при том что возвращались лишь около 21 тысячи. Одновременно алия сократилась втрое: с 74 400 репатриантов в 2022 году до менее 22 000 в 2025-м.

Как вы оцениваете краткосрочные (1–3 года) и среднесрочные (5–10 лет) риски для Израиля, связанные с этой динамикой? Какие из них вы считаете наиболее критическими — и почему?

WMDFZ — Zone Free of Weapons of Mass Destruction (зона, свободная от оружия массового уничтожения). Концепция создания такой зоны на Ближнем Востоке принята на Конференции по ДНЯО в 1995 году и с тех пор не реализована.